

- Ты что творишь!

Ли Юфу был в истинном ужасе от поведения Гу Яньлина. Столько лет он преданно прислуживал Его Высочеству, но когда случались подобные промахи?

- Потревожил покой молодого господина! Сколько у тебя голов, чтобы их сносить!

Гу Яньлин и сам толком не выспался, поэтому этот внезапный выговор привел его в ярость. Он резко вскочил с пола и раздражённо воскликнул:

- Кто заставлял тебя тащить меня на ночную стражу? Я всего лишь наёмный работник, а не твой раб, продавший себя в кабалу! С какой стати я вообще должен дежурить? У меня от сна на голом полу всё тело затекло, я и слова не сказал, а теперь ещё и выслушиваю твои упрёки!

Ли Юфу онемел от такой дерзости и громкости. Он редко видел, чтобы кто-то осмеливался так открыто огрызаться в присутствии Его Высочества. Понимая, что на каждое его слово этот парень ответит десятью, он решил не вступать в спор, а просто опустился на колени и совершил глубокий земной поклон:

- Прошу прощения, молодой господин. Это моя оплошность, молю, накажите меня.

Выплеснув утреннее раздражение, Гу Яньлин постепенно остыл. Увидев, как Ли Юфу стоит на коленях, вымаливая наказание, он неловко почесал щеку - ведь в этой ситуации была и его собственная вина. А когда он взглянул на явно недовольного Сяо Синханя, то и вовсе струсил.

Этот человек выглядел пугающе, даже когда пребывал в полном спокойствии, а теперь, в гневе, он казался ещё страшнее.

- Вон.

Ли Юфу, услышав приказ, поспешно поклонился и вышел. Гу Яньлин хотел последовать за ним, но тут раздался холодный, режущий голос:

- Ты останься.

Гу Яньлин вздрогнул. С кислой миной он снова начал оправдываться:

- Я виноват, этого достаточно?

Сяо Синхань остался непреклонен и сухо приказал:

- Сними верхнее одеяние.

Гу Яньлин на мгновение опешил, а затем, превратно истолковав приказ, тут же инстинктивно прикрыл грудь руками.

«Неужели этот человек настолько неразборчив в своих пристрастиях? Неужели он так долго воздерживался?» - пронеслось у него в голове. В обычное время Сяо Синхань казался таким отстранённым и бесстрастным, почему же сейчас в нём вспыхнула такая ярость?

Но у Гу Яньлина были свои принципы! Благородного мужа можно убить, но нельзя унижить!

Он пришёл сюда работать слугой, а не становиться наложником!

Не говоря уже о том, что, хоть ему и исполнилось девятнадцать, он всё ещё был чист и невинно, словно младенец!

Сяо Синхань полностью проигнорировал его внутренние метания:

- Снимай.

Видя, что тот не терпит никаких отлагательств, Гу Яньлин от страха начал заикаться:

- Ты... что ты хочешь сделать? Я... я предупреждаю, я не подписывал с вами договор о продаже! Ты... ты не можешь творить со мной всё, что вздумается!

Сяо Синхань окончательно потерял терпение:

- У тебя нет выбора. Сейчас же, немедленно снимь верхнее одеяние. Я не хочу повторять дважды.

Гу Яньлин отчаянно замотал головой, обхватив себя руками в позе «непоколебимости», и попытался воззвать к разуму принца:

- Не сниму! Найди кого-нибудь другого. Я некрасивый, а у тебя во дворе, я видел, есть другие - с приятными лицами, беленькие, нежные. Иди к ним!

Сяо Синхань: - ...

Гу Яньлин заметил в глазах Сяо Синханя нескрываемую насмешку. Что это вообще значит?

Затем он услышал, как Сяо Синхань холодно отчеканил:

- Заткнись, сними верхнее одеяние, вымой руки, вытри их насухо, а затем подойди и разотри мне виски.

Только тогда Гу Яньлин понял, что жестоко ошибся. Оказывается, принц заставил его раздеться лишь потому, что посчитал его одежду грязной, а вовсе не из-за каких-то низменных желаний. Но что это было за выражение лица? Кого он вообще смеет презирать?!

К тому же, если нужен был массаж, нельзя было сказать об этом прямо? Обязательно было начинать с таких двусмысленных фраз!

«Эх, под чужой крышей приходится гнуть спину», - подумал он. По сравнению с перспективой «согревания постели» массаж висков был сущим пустяком. Гу Яньлин, напрочь лишившись гордости, снял халат, оставшись в одной тонкой нижней рубашке, вымыл руки и подошёл к кровати.

Взгляд Сяо Синханя внезапно потемнел.

Гу Яньлин, чувствуя на себе этот тяжелый взгляд, похолодел от страха. В глубине души он всё ещё оставался начеку: в конце концов, этот человек предпочитал мужчин, а он сам как раз был мужчиной. А вдруг всё-таки?

Внезапно Сяо Синхань произнёс:

- Впредь не носи белую нижнюю рубаху.

Гу Яньлин не сразу понял смысл этих слов:

- Почему?

Эта рубаха была его собственной. Ткань, которую выдавали слугам, казалась ему слишком грубой и неудобной.

Сяо Синхань ответил:

- Похоже на кляксу туши на белом полотне.

Гу Яньлин: - ... Это он так намекает, что он слишком смуглый! Ха! Да его настоящий цвет кожи белый, как снег!

- Что такого в том, что мужчина немного загорел? Брат Чан Фэн тоже не белокожий! Это называется мужественностью!

Сяо Синхань снова перестал обращать на него внимание. Он лёг обратно и закрыл глаза:

- Массируй.

Гу Яньлин недовольно пробормотал:

- Как я буду массировать в таком положении? Я не собираюсь стоять на коленях. Предупреждаю, не думай, что можешь помыкать мной как своим крепостным, я свободный человек!

Сяо Синхань, не открывая глаз, холодно произнёс:

- Ещё одно слово - и я отправлю тебя в управу.

Почувствовав реальную угрозу, Гу Яньлин едва не скрипнул зубами от ярости. Но, уступая силе, он послушно сел на подставку для ног и, вытянув руки, принялся массировать виски Сяо Синханя.

Теперь он осознал: этот человек обладает скверным характером, просто днём он слишком хорошо держит лицо и не спешит раскрывать свою истинную натуру.

«Завтра же сбегу. Я просто не создан для этой работы!»

Сяо Синхань, окончательно проснувшись, больше не чувствовал сонливости. Сейчас, когда пальцы Гу Яньлина медленно и ритмично разминали его виски, он должен был признать, что массаж был довольно приятным. Однако:

- Ещё раз вздохнёшь - отправлю в управу.

Гу Яньлину до безумия хотелось дать ему пощёчину, но это оставалось лишь в его мыслях. Не смея сделать это на самом деле, он лишь обиженно поджал губы.

Спустя некоторое время Гу Яньлин тихо прошептал:

- Молодой господин, вы спите?

Сяо Синхань ответил:

- Продолжай.

Гу Яньлин снова спросил:

- У вас проблемы со сном?

Сяо Синхань промолчал. Тогда Гу Яньлин добавил:

- Может, мне помочь вам поправить здоровье? На самом деле, я неплохо разбираюсь в медицине!

Сяо Синхань отрезал:

- Ещё одно слово - и немедленно отправлю в управу.

Гу Яньлин сдержался из последних сил, чтобы не ударить его по лицу, и, затаив злость, продолжил массаж.

Свечи в комнате постепенно догорели, и лишь ночная жемчужина продолжала излучать мягкий, приглушённый свет. В полумраке спальни воцарилась глубокая тишина. Гу Яньлин так утомился, что веки стали свинцовыми. Его руки, лежавшие на шёлковом одеяле Сяо Синханя, ослабли, голова склонилась, и он крепко уснул, прислонившись к кровати, а его ладони так и повисли по обе стороны от лица Сяо Синханя.

Сяо Синхань: - ...

Гу Яньлин был измотан до предела и спал глубоким, безмятежным сном. Сяо Синхань внимательно взглянул на него в бледном свете жемчужины. В полумраке его черты лица казались размытыми, слышалось лишь ровное, глубокое дыхание.

Наследный принц впервые в жизни столкнулся с тем, чтобы кто-то так дерзко уснул прямо рядом с ним. Видя, что парень спит без задних ног, он не церемонясь похлопал его по щеке. Кожа под ладонью оказалась на удивление нежной и гладкой. Поняв, что тот даже не шелохнулся, Сяо Синхань перешёл к щипкам.

Гу Яньлин, потревоженный во сне, машинально отмахнулся от того, что касалось его лица, и сонно пробормотал:

- Ненавижу...

Для Сяо Синханя те слабые попытки отмахнуться, которые предпринимал Гу Яньлин во сне, были совершенно ничтожны, поэтому он решил действовать радикальнее и ощутимо ущипнул его за щеку.

- Ай-ай-ай! - Гу Яньлин наконец проснулся от резкой боли, инстинктивно прикрыл лицо рукой и с трудом поднял голову с кровати. - Кто это на меня покушается?!

Сяо Синхань прищурился, глядя на него холодным взглядом:

- Кто разрешал тебе спать?

Гу Яньлин, доведенный до предела невыносимой сонливостью – а ведь в прошлой жизни он был изнеженным и избалованным молодым господином, – от этих слов едва не расплакался:

- У-у-у, я так хочу спать... я просто хочу спать!

Сяо Синхань: - ...

Однако сонливость быстро взяла верх, и Гу Яньлину стало уже не до слёз: он продолжал всхлипывать, то и дело кляня носом и едва удерживая голову в вертикальном положении.

В конце концов, окончательно раздражённый Сяо Синхань сухо приказал ему убираться вон и спать на кушетке, что стояла снаружи покоев.

Гу Яньлин тут же, не теряя ни единой секунды, выскочил из внутренних покоев, буквально рухнул на кушетку за ширмой и мгновенно провалился в глубокий сон, совершенно забыв о том, кто такой Сяо Синхань и почему он так страшен.

На следующий день.

Ли Юфу в сопровождении младших евнухов пришел, чтобы помочь Его Высочеству с утренним умыванием и одеванием. Стоило ему войти, как он увидел Гу Яньлина, который безмятежно спал на кушетке, совершенно бесстыдно раскинув руки и ноги. У Ли Юфу нервно дёрнулся глаз, и он немедленно приказал разбудить парня.

Гу Яньлин неохотно приоткрыл глаза и встретился взглядом с Ли Юфу, чьё лицо выражало целую гамму невыразимых чувств. Болезненно поморщившись, он снова закрыл глаза и демонстративно повернулся к ним спиной.

Младшие евнухи опешили: они за всю свою службу никогда не видели столь дерзкого человека и в полном растерянности посмотрели на Ли Юфу, ожидая его реакции.

Однако Ли Юфу был слишком занят обслуживанием Его Высочества, поэтому решил оставить наглеца в покое. Если этот человек умудрился выйти сухим из воды после того, как разбудил Его Высочество прошлой ночью, то чего ещё от него можно ожидать?

Сяо Синхань всегда отличался железной самодисциплиной. Даже находясь вне Восточного дворца, он строго придерживался своего распорядка: вставал в час кролика (с пяти до семи утра) и ложился в час свиньи (с девяти до одиннадцати вечера).

Даже несмотря на то, что он не выспался, к приходу Ли Юфу он уже давно встал с постели. Пока Ли Юфу помогал ему одеваться, на лице Его Высочества не было и следа усталости – он снова стал тем самым холодным и отстранённым человеком, каким казался днём.

Выходя из покоев, Сяо Синхань бросил мимолётный взгляд на Гу Яньлина, всё ещё лежащего на кушетке.

Ли Юфу поспешно добавил:

- Прошу прощения, молодой господин, но его просто невозможно разбудить.

Сяо Синхань холодно ответил:

- Буди его дальше.

Ли Юфу поспешил к кушетке и принялся энергично трясти парня. Гу Яньлин сонно открыл глаза, и на его лице читалось крайнее недовольство. Однако, заметив за спиной Ли Юфу фигуру Сяо Синханя, он не посмел сказать ни слова, хотя внутри у него всё буквально кипело от возмущения.

Сяо Синхань произнёс:

- Убирайся спать к себе. Что за неподобающий вид – лежать здесь.

«Это ведь он сам вчера велел мне спать здесь, а теперь это вдруг стало "неподобающим видом"!» – возмутился Гу Яньлин. Он молча слез с кушетки, думая про себя: «Да кто вообще в здравом уме захочет спать в твоей комнате!»

Сяо Синхань больше не обратил на него внимания и удалился. Гу Яньлин, наблюдая, как слуги начинают убирать покои, быстро схватил свою одежду, которую снимал вчера, натянул её в спешке и, не оглядываясь, покинул дом Сяо Синханя.

В это проклятое место он больше ни ногой!

Чан Фэн, только что завершивший утреннюю тренировку и всё ещё покрытый испариной, собирался вернуться, чтобы умыться и сменить одежду. Издалека он заметил Гу Яньлина, который брел вперед, едва открыв глаза и забавно шатаясь из стороны в сторону.

- Юаньбао!

Гу Яньлин не отреагировал, и Чан Фэн подошёл к нему вплотную:

- Юаньбао.

- Брат Чан Фэн... - отозвался он, но тут же вспомнил о вчерашнем инциденте и громко, обиженно фыркнул.

Чан Фэн спросил:

- Ты куда это собрался?

Гу Яньлин подумал: если Чан Фэн сейчас извинится, он, так и быть, простит его, ведь вчера тот всё-таки заступился за него.

- Не твоё дело, - буркнул он.

Чан Фэн не обратил внимания на его резкий тон и с наставлением произнёс:

- Юаньбао, вчера ты был на волосок от того, чтобы совершить непоправимую ошибку. Впредь запомни: никогда не действуй на горячую голову.

Он знал, что Гу Яньлин остался дежурить у Его Высочества, а значит, принц позволил ему прислуживать и в будущем. Чан Фэн искренне беспокоился, что прямолинейный и

вспыльчивый характер парня снова приведёт к беде, ведь «служить государю – всё равно что спать с тигром».

Гу Яньлин почувствовал искреннюю заботу в его словах и не смог злиться дальше. Он неловко пробормотал:

- Понял. Если бы ты вчера не проговорился, они бы точно не узнали всё так быстро.

Чан Фэн с досадой рассмеялся:

- Ты слишком недооцениваешь молодого господина.

Наследного принца с самого детства воспитывали как будущего правителя империи, его ум был невероятно проницателен, и пытаться хитрить перед ним было худшим, что можно было придумать.

Гу Яньлин: - ...

Понимая, что у Гу Яньлина есть определенные заблуждения насчёт Его Высочества, Чан Фэн решил объяснить:

- Знаешь ли ты, почему вчера ты смог выйти сухим из воды, совершив такой вопиющий проступок?

Гу Яньлин с подозрением спросил:

- Что ты хочешь этим сказать?

Чан Фэн ответил:

- Только благодаря твоим мотивам и той фразе: «Знаешь ли ты, сколько людей голодает?». Иначе ты бы наверняка лишился головы.

Услышав про «лишиться головы», Гу Яньлин машинально схватился за затылок:

- Не пугай меня так! Я... я ведь не травил его, я просто хотел преподать ему маленький урок!

Чан Фэн строго заметил:

- Это были дерзкие слова. Берегись, беда всегда приходит через язык.

Много ли в этом мире людей, способных «преподать урок» наследному принцу?

Видя, что Чан Фэн говорит совершенно серьёзно, Гу Яньлин задумался: насколько же высок на самом деле чин Сяо Синхяня?

Чан Фэн продолжил:

- Молодой господин великодушен и милосерден, он совсем не тот человек, который любит роскошь и излишества, как ты думаешь. Ты ведь всегда хотел прислуживать ему? Теперь, когда появился такой шанс, не держи обиды. В будущем... в общем, служи прилежно и больше не действуй опрометчиво.

Гу Яньлин, который всего несколько минут назад был твердо намерен паковать свои немногочисленные вещи и бежать прочь из этого места, снова засомневался. В его глазах Чан Фэн был порядочным и честным человеком, и если он так отзывался о Сяо Синхане, то, хотя Гу Яньлин и не был полностью согласен насчёт «великодушия», вчера тот его всё же помиловал.

Самое главное - этот «молодой господин» занимает высочайший пост, а раз Чан Фэн сказал, что его спасли те слова о голодающих, значит, он действительно заботится о народе? Ведь Гу Яньлин и пришёл в этот дом именно для того, чтобы наказать коррумпированных чиновников.

- Юаньбао?

- А? Да! Брат Чан Фэн, я знаю, что делать! Спасибо за напоминание!

Чан Фэн, видя его внезапно серьёзный вид, решил, что тот всё понял правильно:

- Хорошо, если понимаешь. Во всём будь предельно осторожен.

Гу Яньлин послушно кивнул:

- Буду, обязательно буду. Брат Чан Фэн, вчера всё же спасибо, что заступился за меня. Как-

нибудь я обязательно приглашу тебя поесть.

Чан Фэн рассмеялся:

- Не стоит. Разве ты не говорил, что мы братья?

У Гу Яньлина не было братьев, только старшая сестра, которая была самым строгим человеком в их семье. Если он совершал ошибку, родители ещё ничего не успевали сказать, как сестра уже начинала его отчитывать. Услышав слова Чан Фэна, он был искренне тронут:

- Брат Чан Фэн, отныне ты для меня как родной брат!

Чан Фэн усмехнулся:

- Ладно, иди отдохни.

После разговора с Чан Фэном Гу Яньлин уже не мог думать о сне. Вернувшись, он быстро умылся, переоделся в чистое и с новым, боевым настроением направился напрямик во двор Сяо Синханя.

Он совершенно, напрочь забыл о том, что, уходя, с яростью клялся больше никогда в жизни не возвращаться в этот проклятый дом.

<http://bllate.org/book/17939/1720372>